

ГЕОЛОГ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

МАРИНА СЕВЕР

Новая смена. Лагерь "Геолог"

Марина Север

Геолог. Возвращение

«Автор»

2026

Север М.

Геолог. Возвращение / М. Север — «Автор», 2026 — (Новая смена. Лагерь "Геолог")

Лагерь «Геолог» уже трижды становился ловушкой для детей и взрослых. Но его всякий раз открывают заново. Снова и снова находится тот, кто приводит сюда людей на съедение древнему злу, которое не имеет лица. Оно убивает и путает следы. Выжить в последней смене удалось четверым детдомовцам — Ане, Марату, Антону и Борису. Они пытались забыть и жить дальше. Но место, где они оставили своих друзей, не отпускает. Чудовище может быть кем угодно, даже тем, кого ты любишь и кому веришь. Оно может принять даже твой собственный облик. Когда в лагерь приезжает съемочная группа, чтобы снять фильм ужасов, никто не догадывается, что сценарий уже написан. И его писала сама смерть.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Марина Север

Геолог. Возвращение

Пролог

Несколько дней назад Марату позвонили с неизвестного номера.

— Слушаю, — сказал Марат.

— Привет, — послышался в трубке мужской голос, как будто знакомый.

— Кто это?

— Антон.

Марат почувствовал, что в груди все сжалось от боли. Он давно не слышал этого имени, да и не хотел его слышать.

— Какой Антон? Откуда у вас мой номер?

Повисла пауза, но потом мужской голос сказал.

— Марат, это я, Антон. Помнишь? Тоха. Мы вместе в детском доме были.

Конечно же, он помнил, но все это время старался забыть до скрежета в зубах.

В его новой, выверенной до миллиметра жизни не было места случайностям, а имя Антон, давно ушло в прошлое вместе с детством уже повзрослевшего человека.

— Марат, ты слышишь меня? Это Антон. Я собираюсь вернуться в тот самый лагерь, помнишь, в лагерь «Геолог». У меня там намечается съемка фильма. Аллю, ты слышишь меня?

Марат моргнул, возвращаясь в реальность.

— Желаю тебе удачи, — проговорил парень и отключил телефон.

Экран погас, погрузив комнату в благословенную тишину.

Пусть прошлое остается там, под слоем ягеля и вечного лета. Там, где тринадцать лет назад навсегда осталась часть его самого. Телефон больше не звонил. Но металлический привкус во рту никуда не делся, а кончики пальцев мелко дрожали, отказываясь отпустить пластиковый корпус смартфона.

Выпустившись из детдома, Марат поступил учиться в институт, получил юридическое образование и, как хотел, стал полицейским. Во время учебы у него случались мимолетные романы, но когда Марат устроился в отдел полиции, он полностью погрузился в работу.

И вот прошлое снова напомнило о себе.

Марат в свои тридцать лет пока не обзавелся семьей. Правда, совсем недавно он завязал новые отношения. Кира была красивой девушкой, на пять лет младше Марата. Она закончила институт и работала менеджером в строительной фирме. С Маратом девушка познакомилась случайно: проходила свидетелем по одному делу. Они стали встречаться. Кира была веселой и компанейской, и обожала Марата. Они уже полгода были вместе. Одна мысль о ней вызывала счастливую улыбку.

Марат долго не мог забыть Алину, свою первую любовь. Его долго мучили ночные кошмары, но постепенно все стало забываться. Все случившееся стало казаться ему дурным сном. Он убеждал себя, что девушка просто куда-то уехала.

Звонок Антона вызвал в нем воспоминания, от которых пальцы сжались в кулак. Тринадцать лет. Целая эпоха. Память — плохой старатель: она давно перестала вымывать золото общих воспоминаний, оставив на дне лишь тяжелый песок того лета. И сейчас у Марата не было ни малейшего желания ворошить прошлое. Он просто смотрел на номер телефона звонившего абонента, чувствуя, как во рту появляется знакомый медный привкус паники. Он только-только начал забывать то проклятое лето. Научился спать без снотворного, перестал шараться от запаха мокрой хвои и дешевого дегтярного мыла. Они тогда всем детским домом выбрались в

ведомственный лагерь «Геолог», затерянный среди огромного леса с вековыми деревьями, где совсем рядом протекала шумная река. Место, где горячий асфальт плавился под солнцем, а воздух был густым от запаха хвои. Казалось, что мир бесконечен, а лето никогда не кончится.

А потом пришел он: белесый, пахнувший озоном и прелой землей. Он выполз из леса за дальним футбольным полем и съел звуки. Сначала замолчали птицы, затем пропал ветер в кронах старых елей. Воздух стал плотным и тяжелым, как перед грозой. В ушах заложило, а сердце пропускало удары.

Никто из выживших так и не смог найти хоть какое-то объяснение случившемуся. Это была не рысь, не медведь и не сбежавший из зоны преступник, а воплощение первобытного ужаса. Существо, сотканное из самой ночи, острых теней и абсолютной, звенящей ненависти к теплокровной жизни.

Оно не охотилось. Оно приходило анатомировать.

Растерзанные тела друзей до сих пор снились Марату в кошмарах. Неестественно вывернутые суставы, разорванная в клочья грудная клетка, где нет внутренностей. Бледная кожа, исполосованная не когтями, а чем-то тонким, полым, вытягивающим кровь быстрее, чем она успевала пролиться на мох. Запах, сладковатый, липкий, смешанный с озоновой гарью. Этот смрад намертво въелся в ноздри, в подкорку, в самую структуру костей.

Из ста детей и группы работников лагеря выжили семеро. Семь изломанных фигур, которые кое-как обрелись до трассы и сели в старенький автобус, идущий до райцентра. Каждый из них пошел своей дорогой. Кто-то уехал навсегда, оставив позади страшные воспоминания, кто-то долго не мог излечить душевные раны, даже оставаясь месяцами в больнице, в ком-то вообще замерли все чувства. После той ночи, когда погиб весь лагерь, их связь друг с другом оборвалась.

Марат медленно выдохнул, выпуская воздух сквозь плотно стиснутые зубы. В его жизни вновь появился Антон. Каким он стал? Возможно, спившимся и поседевшим в свои тридцать с небольшим? Страшно ли ему засыпать одному? Или все тот же решительный парень, который до последнего пытался спасти весь лагерь от страшного существа, но не смог?

Алина. Мысль о ней пронзила болью. Его девушка, которой он успел подарить потертую серебряную цепочку. Та самая Алина, которая мечтала прожить с Маратом всю жизнь. Он помнил, как она лежала в том самом хозблоке, растерзанная до костей, со стеклянным взглядом устремленным куда-то в потолок. Ее лицо, искаженное последним беззвучным криком, никогда не сотрется из памяти.

Глава 1

Служебная «Газель» довезла Марата до дома. Ночной город казался сырым и враждебным. Резина протектора еще шипела по мокрому асфальту где-то за спиной, а в ушах Марата до сих пор звенели гул неоновых вывесок и хрипящая рация дежурки. Двадцать часов на ногах. Два выезда на бытовую поножовщину, один — на семейный скандал, закончившийся выбитым окном, и писанина бесконечных протоколов. Усталость свинцом растеклась по мышцам, глаза слипались.

Квартиру Марат получил от государства, когда выпустился из детдома. Тридцать пять квадратных метров и штамп о совершеннолетии — все, что у него было на старте взрослой жизни.

Однокомнатная квартира встретила Марата привычным запахом парфюмерной воды и завтраком на плите, приготовленным Кирой. Она уже сбежала на свою работу. Ребята всего месяц как съехались, и девушка чувствовала себя как дома. Многочисленные вещи Киры висели в шкафу, лежали на полках и занимали большую часть мебели. Флаконы с гелями, шампунями, кремами для лица рядами стояли в ванной. Среди этого всего лежала одинокая бритва Марата.

Марат сбросил китель на спинку стула. Воротник форменной рубашки лип к шее, пропитанный потом. Он щелкнул кнопкой электрического чайника. Пластиковое нутро прибора зашлось низким утробным гудением. Яичница манила своим запахом, и в животе предательски заурчало. Он за все сутки на работе толком ничего не ел.

Марат опустил на новенький диван, обтянутый дорогой замшей, сжимая в ладонях толстостенную керамическую кружку, пока та была еще пустой. Чайник закипел и отключился со щелчком. Марат уже собрался залить кипятком в заварку, но перед этим нажал кнопку на пульте от телевизора.

Экран вспыхнул ядовитой синевой, разрезав полумрак комнаты. Сначала пошел рекламный блок, жизнерадостные люди что-то жевали на фоне лазурного моря, но Марат их не видел. Его взгляд был прикован к ведущему вечерних новостей.

Кипяток плеснулся на пальцы. Боль обожгла кожу, но Марат ее почти не почувствовал. Кружка замерла в сантиметре от стола, зависнув над старым ковром с выцветшим геометрическим узором. Горячие капли падали на синтетический ворс, тут же испаряясь с тихим змеиным шипением.

С экрана на него смотрел Антон. Тот самый Тоха, с которым они провели все детство в детском доме, пока их не разделил лагерь «Геолог» — вернее, то, что там случилось. Время сгладило детскую угловатость, плечи стали шире, волосы уложены в модную укладку, а на губах — уверенная улыбка. Но Марат узнал бы этот профиль, эту едва заметную ямочку на левой щеке и старый тонкий шрам под нижней губой даже спустя тринадцать лет.

— ...заявил режиссер Антон Белов, чья студия выкупила права на экранизацию городской легенды, — бодрым голосом вещала дикторша за кадром, — вернее, спонсор, который пожелал встретиться с режиссером после съемок. Именно он вложил средства в новый фильм ужасов, построенный на реальных событиях.

— Мы устали от компьютерных спецэффектов, — говорил тем временем Антон чуть хриловатым голосом, который невозможно было забыть. — Настоящий ужас не нарисуешь пикселями. Чтобы зритель поверил, он должен почувствовать могильный холод сквозь экран. Поэтому мы берем аппаратуру, палатки и на неделю запираем себя там, где земля до сих пор помнит крик. Мы едем в лагерь «Геолог».

Мир вокруг Марата сузился до размеров старого кинескопа. Гул холодильника затих. Остался только этот голос из прошлого. Еще пару дней назад Антон звонил ему, говоря о том,

что собирается вернуться туда, где земля пропахла кровью детей и взрослых. Но он ему не особо тогда поверил, просто пожелал удачи. И вот теперь он в новостях узнает, что Антон стал режиссером и собирается снять фильм ужасов на реальных событиях.

Лагерь «Геолог». Их личный филиал ада на земле. Три месяца после кошмара в лагере Марат не мог прийти в себя. Он, парень, которого все называли горцем, который ничего никогда не боялся, замкнулся в себе на целых три месяца, пока не поступил в институт, где у него появились друзья. Он не рассказывал никому в универе, что с ним произошло тем летом.

Антон продолжал говорить о художественной концепции, о работе со светом и тенью, о том, как они будут использовать подлинную фактуру гниющего дерева и осыпающейся штукатурки для создания эффекта присутствия. Для него это был просто заброшенный объект, отличная локация, способ сорвать кассу и заявить о себе в большом кино.

Для Марата это были живые воспоминания. Он снова чувствовал запах озона перед грозой, которой так и не случилось, слышал, как скрипят несмазанные петли дальних ворот при полном безветрии.

— Местные обходят это место стороной, говорят, там до сих пор бродят тени пропавших вожатых и детей, — весело закончил свой репортаж корреспондент. — Что ж, пожелаем группе творческого безумия!

На экране появилась заставка студии. Марат медленно, словно боясь разбить хрупкое стекло реальности, поставил кружку на стол. Чай остался нетронутым, пар давно иссяк. Он провел дрожащей рукой по лицу, стирая липкую испарину.

Они собираются провести там семь дней. Семь ночей. С дорогими камерами, которые жадно впитывают любой свет, со штативами и софитами. Они хотят снять фильм ужасов на реальных событиях того времени. Марат знал, что они тогда сожгли Безликого, но страх холодной рукой пробирался под одежду. Если существа больше нет, может, и ничего страшного, если съемочная группа во главе с Антоном поедет туда? Но что-то не давало Марату покоя. Что-то было не так, и он это чувствовал.

Телевизор продолжал мерно бормотать о курсе валют, но Марат больше ничего не слышал. Внутри, там, где тринадцать лет жила глухая, законопаченная фанерой пустота, вдруг шевельнулось нечто древнее и холодное. Оно просыпалось, узнавая знакомые имена.

Марат подошел к старому шкафу, встроенному в нишу стены. Отодвинув стопку чистого белья, он нащупал пальцами прохладную сталь. Обрез охотничьей одностволки шестнадцатого калибра, купленный по случаю на черном рынке еще в первые годы службы, и коробка патронов с картечью. Он защелкнул механизм, проверяя ход затвора. Сухой лязг металла прозвучал в тишине квартиры оглушительно, окончательно возвращая капитана полиции из мира телевизионных иллюзий в суровую реальность.

Неделя в лагере «Геолог» — это много не только для съемочной группы, но и для него самого.

Тишину в квартире нарушил звук мобильного телефона. Марат так и не уснул после ночного дежурства. Он созвонился с начальством, чтобы отпроситься на неделю по семейным обстоятельствам. Ему нужна была всего неделя. Что он хотел найти в том лагере, парень и сам не знал. Возможно, до конца разобраться со своими тараканами в голове, которые мучили его время от времени. Марат понимал: Антон не просто так туда поехал. Это интервью на публику явно о чем-то говорило. Возможно, Тоха таким образом хотел достучаться до него. Может быть, его тоже туда тянуло.

Марат решил еще раз побывать там, где он чуть не стал жертвой Безликого. Наверное, нужно поставить точку в прошлом и убедиться, что древнего существа больше нет.

Звонили со скрытого номера. На экране мобильного светилась издевательская надпись: «Номер не определен».

Рука сама потянулась к трубке. Пальцы, мелко дрожали.

— Слушаю, — хрипло выдавил он, еще не успев поднести смартфон к уху.

И мир рухнул обратно в 1998 год.

В трубке затараторил голос, высокий, сбивающийся, отчаянно живой. Голос, который невозможно спутать ни с каким другим, сколько бы лет ни прошло и как бы его ни исказили цифровые помехи. Это был Боря. Борис Ларионов, вечный толстяк из их детдома. Еще один выживший.

Тот самый Боря, у которого вечно были содраны коленки, а в карманах штанов лежали куски хлеба из столовой про запас. Вечно жующий парень, над которым все смеялись. Тот, кто научил Марата прятать хлеб под матрас. Его другом был Сашка, но того, как и многих других, постигла смерть в лагере «Геолог».

— Марат? Ты?! — торопливо верещали в трубке. — Еле твой номер нашел.

— Борян... — выдохнул Марат, чувствуя, как предательски слабеют колени. Он тяжело опустился обратно на диван. — Где ты? Что...

— Да плевать где! Новости смотрел?! — перебил его Боря, переходя на истеричный шепот. — Второй канал!

— При чем тут новости? — устало спросил он.

— А при том! — крикнул Боря. — Про лагерь этот проклятый! Про «Геолог»! И там... там про Антона сюжет пустили! Он, оказывается, теперь режиссер и хочет фильм ужасов снять в этом проклятом месте.

— Знаю, утром новости смотрел. И зачем ты звонишь? Через столько лет сказать мне о том, что Антон собрался в тот самый лагерь? — севшим голосом просипел Марат.

— И что делать?

Марат зажмурился до цветных пятен перед глазами.

— Ничего, Боря, ничего. Тринадцать лет прошло. Антон тогда убил сам знаешь кого, и его мотивы поехать туда мне понятны. Мы вместе столько пережили...

Марат замолчал, а потом продолжил.

— Боря, я тоже еду. Только не с ним, один. Хочу, наконец, после столько лет поставить точку в той истории. Убедиться, что мы сделали все правильно, что Безликого больше нет и никто, слышишь, никто никогда больше не пострадает.

В телефонной трубке повисла тишина, а потом Борис сказал:

— Я еду с тобой.

В этот момент в дверь квартиры Марата позвонили.

Ключ от собственной однокомнатной квартиры на окраине города лег в ладонь Ани через несколько дней после совершеннолетия. Государство выдало ей эту квартиру как билет во взрослую жизнь, но забыло приложить к нему инструкцию по применению.

Обычная жизнь оказалась выматывающей изморосью. Днем она училась в институте, отчаянно пытаясь зацепиться за гранит науки. Ночью же наступала расплата. Институт сменялся большим супермаркетом, где до самого рассвета она сортировала просроченные йогурты и замороженную рыбу. Руки немели от холода, спина ныла тупой, привычной болью, но эти деньги давали право на существование после детского дома и учебу в институте.

Прошное отказывалось оставлять ее. Каждую ночь, едва голова касалась подушки, реальность трескалась пополам.

Аня снова стояла посреди небольших синих домиков, которые зияли темными дырами вместо окон. Лагерь «Геолог» никогда не отпускал ее. Он ждал каждую полночь, чтобы сомкнуть свои гнилые челюсти. Мертвая смена была разбросана по территории. Кто-то так и не выпустил из рук одеяла, когда пытался укрыться от существа, чья-то голова была неесте-

ственно запрокинута назад, на разодранной шее остались кровавые следы. Почти сотня застывших восковых манекенов.

В живых остались только семеро. И каждое утро Аня просыпалась от собственного беззвучного крика, чувствуя привкус соленой крови от прокусанной губы и мокрых волос, прилипших к лицу.

Антон нашел ее через месяц после выпуска. Тот самый Антон, который вытащил ее тогда, полуживую, онемевшую от ужаса. Парень, который ей нравился, с которым тогда только начал развиваться роман. Но Аня закрылась. Она выстроила вокруг своего сердца глухую железобетонную стену. Девушка не хотела ни с кем общаться. Она приходила в себя медленно, с надрывом и постоянными истериками. Перед глазами стояла смерть ее подруги Василисы. Аня несколько раз обращалась к психологу, и когда доходило до вопроса «что вас беспокоит?», сеанс заканчивался. Девушка не знала, о чем говорить. Как рассказать то, чего просто не могло быть? Аня приходила в себя под вопросительным взглядом врача, извинялась и уходила, ничего не объяснив.

Со дня трагедии прошло тринадцать лет. Аня стала филологом. После той смены в лагере «Геолог» она решила, что будет изучать традиции, легенды и сказки — все, что могло бы объяснить то, что с ними тогда случилось.

После института она осталась на кафедре и стала преподавателем. Постепенно она начала забывать обо всем, что было много лет назад. Замуж Аня не вышла, зато профессия давалась ей легко — к тридцати годам она уже была отличным специалистом, часто ездила в командировки и читала лекции студентам.

Та ночь вторглась в ее панельную квартиру без предупреждения. Ей снился стадион в центре лагеря, радиорубка, из которой каждое утро лилась музыка, и голос директора приветствовал всех отдыхающих.

Василиса сидела на поваленном бревне спиной к ней и плела фенечку из грязных капроновых ниток, точно такую же, какую начала делать в их последнюю настоящую смену.

— Он обещал забрать только тех, кто останется еще на несколько дней, — вдруг сказала Василиса, не оборачиваясь. Ее голос звучал ровно и спокойно, пугающе нормально для этого места, — а я уже давно тут, значит, он меня тоже заберет.

Туман позади нее начал сгущаться, обретая плотность, превращаясь во что-то черное, бесформенное. Постепенно из него проступил силуэт без лица. Там, где должны были быть глаза, нос и рот, клубился лишь темный сгусток. Безликий. Существо, созданное самим человеком, поднятое из самых недр земли, тот, у которого не было тела и лица. Он питался живой плотью, одалживая у человека оболочку. Древний ужас этих мест, появившийся много лет назад, поднятый кровью вожатого. О нем мало говорили, его считали просто легендой, которая оказалась реальной для новой смены, в которую тогда попали Аня и остальные ребята из детского дома.

Василиса обернулась. В ее лице не было страха, только бесконечная усталость.

— Не смотри, — прошептала Аня. Горло свело спазмом, легкие наполнились холодным воздухом. — Беги, Вася!

Безликий поднял длинную, лишённую суставов руку. Пальцы резко вошли в грудь девушки. Раздался влажный чавкающий хруст. Края рваной раны на мгновение блеснули белыми ребрами. Темная, еще живая рука существа погрузилась внутрь по самое запястье, копошась среди органов, и появилась обратно, сжимая пульсирующий комок. Сердце.

Василиса сделала короткий, булькающий вдох, ее колени мягко подогнулись, и она осела на землю тряпичной куклой.

Безликий повернул свою бесформенную голову к Ане. Багровые провалы внутри маски уставились прямо в ее душу. Существо медленно, демонстративно поднесло бьющееся сердце

ко рту и втянуло его целиком. Звук пережевываемой плоти заполнил собой весь мир, заглушая вой ветра в верхушках сосен.

Аня резко села в кровати. Четыре часа утра. В окно светила яркая луна. На светлых обоях играли тени верхушек деревьев, которые казались страшными корявыми руками. Сердце стучало где-то в горле, простыня, как и подушка под ней, были мокрыми от холодного пота.

Она встала, пошатываясь, доковыляла до кухни, дрожащими руками налила воды из графина и сделала три жадных глотка.

Аня, не включая свет, вошла в ванную, чтобы умыться лицом прохладной водой, снять ночной кошмар. Ей еще рано вставать, до рассвета целый час. Девушка включила воду и посмотрела на себя в зеркало. На нее смотрела женщина, которой на следующий год стукнет тридцать лет. За последние несколько лет кошмар тринадцатилетней давности полностью отпустил ее. Аня начала жить нормальной жизнью — и тут этот сон. Зачем, почему, о чем он предупреждает?

Девушка смотрела на себя в зеркало, когда за правым плечом, в густой темноте коридора, она отчетливо разглядела неподвижный силуэт без лица, сотканный из теней старого детского дома и сырого мха лагеря «Геолог». Он стоял там всегда. Просто теперь перестал прятаться. Прошрое больше не приходило к ней по ночам, оно пробудилось.

Глава 2

Утро сочилось сквозь прозрачные шторы на кухне болезненно-желтым светом. За окном щебетали воробьи, радуясь новому дню. Аня стояла на кухне у столешницы, слушая новости по телевизору и заваривая себе ароматный чай. Левая рука привычно потянулась за любимой пузатой кружкой. Она уже начала наклонять носик чайника, когда бархатный, профессионально поставленный баритон ведущего новостей вдруг перекрыл чей-то другой голос. Знакомый до боли, въевшийся в самые дальние закоулки памяти. Голос, который она не слышала долгих тринадцать лет.

Аня замерла. Она медленно повернула голову к экрану плазменного телевизора, висящего на стене кухни.

С экрана смотрел Антон. Тринадцать лет стерли с его лица юношескую угловатость, добавив взрослому профилю легкой щетины, но глаза остались прежними, как у юноши в семнадцать лет. Веселыми, насмешливыми, родными. Он давал интервью, небрежно покачиваясь на стуле в своей стильной студии.

— Мы сознательно отказались от павильонов, — говорил он, — Наш новый фильм требует реальных декораций. Настоящий страх рождается только там, где земля еще помнит ужас. Поэтому через неделю наша группа выдвигается в лагерь «Геолог». Мы проведем там неделю, чтобы снять ключевые моменты.

Пузатая кружка выскользнула из внезапно онемевших пальцев. Удар прозвучал оглушительно громко в звянущей тишине кухни. Кружка разлетелась вдребезги. Лагерь «Геолог». Антон. Ее Антон.

В ушах поднялся тяжелый гул, заглушивший мерное бормотание телевизора. Ей снова было семнадцать, и воздух вокруг пах озоном после грозы и сосновой смолой. Тот самый июль тринадцатилетней давности. Последняя смена.

Антон ей нравился, отчаянно, до дрожи в коленках и глупых записок, которые она так и не решилась подбросить ему в тумбочку.

А потом была та самая ночь. Когда их смена перестала существовать.

И теперь он едет туда. Снимать свой хваленый фильм ужасов.

Аня заметалась по квартире. Она понимала, что ее это уже не касается, что все в прошлом — и Антон, и этот проклятый лагерь, но что-то не давало ей покоя. Этот странный сон, где она видела Василису и его... Безликого. Но они тогда убили его. Антон убил. А Марат сжег тело, которое было их физруком. Вернее, его оболочкой.

Аня села за стол и потеряла виски. Голова болела, перед глазами плыли круги. Нужно было успокоиться. Ей еще на работу, а Антон... пусть едет туда, куда собирался. Ее это не касается.

Внезапно раздался звонок мобильного телефона. Девушка вздрогнула. Ее пальцы, подрагивая, потянулись к трубке, а сердце бешено заколотилось о ребра. На экране высветился неизвестный номер.

— Алло, — хриплым голосом произнесла девушка.

— Аня, здравствуй. Не узнаешь?

Девушка молчала, судорожно пытаясь понять, откуда в памяти всплывает этот знакомый баритон.

— Это Боря... Борис... Батон... Мы вместе были в детском доме, а потом в лагере...

Мужской голос замолчал.

— Боря? — отозвалась Аня, наконец придя в себя.

— Да. Вспомнила?

Она вспомнила. Это неуклюжий парень, потный, вечно жующий толстяк. Над ним все смеялись, дразнили его. У него был один друг, Сашка, который остался там...

— Здравствуй, Борис. Как ты узнал мой номер телефона?

— Да это было несложно. Я что звоню, — начал сразу Борис, даже не спрашивая, как у той дела, — ты видела репортаж с Антоном?

Возникла пауза, после чего Аня ответила.

— Да. Он теперь режиссер и едет снимать фильм ужасов в лагерь. Вернее, какие-то страшные сцены для фильма.

— Вот именно. В тот самый лагерь, Ань, «Геолог». Ты же помнишь, что там произошло? Девушка тяжело вздохнула.

— Помню.

— Аня, надо что-то делать. Зачем Тоха туда едет? Для чего?

Девушка не понимала, почему после тринадцати лет молчания этот парень, уже взрослый мужчина, позвонил ей и завел разговор о лагере, о котором она так хотела забыть. Она ни с кем не общалась, никого никогда не искала. Прошное постепенно уходило. Она и сейчас не хотела о нем вспоминать, но сначала этот сон, потом репортаж в новостях с Антоном, а теперь вот Борис звонит и говорит об этом лагере.

— Борис, — тихо сказала Аня, — мне все равно, кто куда едет, главное — я почти забыла обо всем, пока ты не позвонил мне. Что ты хочешь от меня?

Последние слова девушка почти выкрикнула в трубку.

— Мы должны поговорить с Антоном, остановить его.

— Для чего? — не успокаивалась Аня. — Хочет, пусть едет. Тем более у него целая съемочная группа.

— Ань, ты серьезно?

— Боря, Антон уничтожил Безликого, что еще нужно? Оставьте меня в покое.

Повисло молчание, которое продлилось секунд пять.

— Ань, я сейчас еду к Марату, помнишь такого? — не дождавшись ответа от девушки, парень продолжил. — Если хочешь, подъезжай, мы все обсудим. Адрес скину тебе СМС.

Борис отключился, а Аня, чувствуя, как ноги начали дрожать, а к горлу подкатывают слезы, села на стул и закрыла лицо руками. Прошное вновь вернулось. Все, что она так хотела забыть, вновь настигло ее в это солнечное, теплое утро.

Когда в дверь позвонили, Марат невольно вздрогнул. Кто это может быть? Кира еще на работе, а он после новостей даже не ложился, да и не до сна было. После того как в телевизоре Антон сказал о том, что едет на съемки в лагерь «Геолог», весь сон как рукой сняло. Потом позвонил Борис — и вот сейчас кто-то звонит в дверь. У Киры есть свои ключи, соседи к ним не ходят за солью.

Марат подошел к входной двери и прислушался. Годы службы в полиции научили его быть осторожным с незваными гостями.

Щелкнули замки, и парень открыл дверь. Девушка со светлыми длинными волосами, стройная, в светлых легких брюках и тонкой белой рубашке, с дамской сумочкой в руках смотрела на него голубыми глазами. Немного косметики на красивом лице, печальный взгляд, знакомый до боли в груди.

— Аня?

— Привет, — отозвалась девушка.

— Черт! — выругался Марат и заключил ее в свои объятия.

Когда приветствия закончились, а девушка вытерла выступившие слезы, Марат отстранился от нее и улыбнулся.

— Ты почти не изменилась, только старше стала, но все такая же, как в шестнадцать лет, когда я тебя видел в последний раз.

Аня улыбнулась, и Марат отошел в сторону, приглашая ее войти в квартиру.

Поставив чайник, парень достал вторую кружку для Ани и предложил ей присесть на стул.

— Это твоя квартира?

— Да. Как выдали после детского дома, так я тут и живу.

Аня осматривала кухню, а потом вдруг спросила:

— Ты женат?

Марат даже напрягся от такого вопроса.

— Нет. А ты?

— Я тоже так замуж и не вышла. Прошное долго не отпускало меня.

— Вот и меня. Алинка еще долго стояла перед глазами, когда ее...

Марат замолчал, не в силах продолжать.

— Ты один живешь?

Марат повернулся, поставил на стол кружки с чаем и вазу с печеньем.

— Нет. Я живу с девушкой. Мы шесть месяцев назад съехались. Я наконец почувствовал, что такое быть счастливым. А тут эти новости... Антон... потом Боря...

Аня округлила глаза.

— Тебе тоже Борис звонил?

Марат вопросительно уставился на девушку.

— Да. Прямо перед твоим приходом. Тебе тоже?

Аня кивнула и взяла кружку. Руки слегка подрагивали от волнения. Они не виделись с Маратом тринадцать лет. Когда Борис скинул ей адрес Марата, она сильно волновалась перед встречей. Но ей нужно было с ним поговорить. Тем более после звонка Бориса.

Аня с Маратом просидели на кухне часа два. Ребята вспоминали детский дом, стараясь не упоминать тот злосчастный июль. Аня рассказала об институтской жизни, как ночами работала в супермаркете, чтобы ей было на что жить. Теперь она преподает в институте и ей нравится эта работа. Она улыбалась и только сейчас поняла, что все тринадцать лет ей не хватало общения с теми, кто когда-то были ее семьей.

Неожиданно в дверь позвонили. Аня испуганно посмотрела на Марата, а парень встал из-за стола и пошел открывать. Один неожиданный гость уже сидел у него на кухне за столом. Кто явился на этот раз, парень понятия не имел.

Открыв дверь, Марат увидел молодого человека, кого-то смутно напоминавшего. Не может быть!

— Боря?

Парень улыбнулся и обнял Марата.

От толстого прыщавого пацана, которого все называли Батон, не осталось и следа. Перед Маратом стоял высокий брюнет с коротко стриженными волосами, в дорогом льняном костюме. Золотые часы Rolex, золотая печатка с бриллиантом на безымянном пальце. Лакированные черные туфли, темные очки и отбеленные зубы. Борис улыбался.

— Привет, Марат. Рад тебя видеть.

Парень без приглашения зашел внутрь квартиры, оставив за собой шлейф дорогого парфюма.

Марат захлопнул дверь и показал Борису на кухню.

— Проходи, — сказал парень, еще не пришедший в себя.

Аня, сидевшая за столом, уставилась на вошедшего парня.

— Привет.

— Привет, — ответила девушка.

Они смотрели друг на друга секунд десять, пока их молчание не прервал Марат.

— Аня, это Боря.

Глаза девушки расширились от изумления.

— Борис? Тот самый Боря, наш, из детского дома?

Парень кивнул и улыбнулся еще шире.

— Не может быть.

Борис покрутился вокруг своей оси, расставив руки в разные стороны.

— Да. Это я. Изменился, не спорю. Годы тренировок дали свои плоды.

— Ну, ты не только внешне изменился, как я посмотрю, — сказал Марат, который стоял в дверях кухни, облокотившись о косяк.

Борис усмехнулся.

— Я сделал все, чтобы измениться. Учился в институте, устроился на работу, постепенно дорос до директора крупного предприятия, весьма процветающего. Теперь у меня свой бизнес. Жизнь после лагеря «Геолог» вселила в меня уверенность. Решил: раз уж я остался жив, значит, нужно сделать все, чтобы жизнь приносила радость.

Аня смотрела на Бориса и не верила своим ушам. Тот самый парень, которого все дразнили, обижали, унижали в детском доме, стал директором крупного предприятия и выглядит как с картинки журнала Forbs.

— Ну ладно, что мы все обо мне, вы-то как?

Марат прошел на кухню и сел рядом с Аней.

— Мы нормально. Ты мне звонил совсем недавно. Насколько помню, я не давал тебе мой адрес.

Борис махнул рукой.

— Моя служба безопасности узнала ваши номера и адреса. Я сначала хотел приехать к тебе, а потом уже к Ане, но раз вы оба здесь, нам надо кое-что обсудить.

Борис стал серьезным, улыбка сошла с лица.

— Ты об Антоне?

— Именно.

Марат посмотрел на Аню.

— Я тебе уже сказал по телефону, что собираюсь тоже отправиться в лагерь. Не могу объяснить причины, но то, что Тоха хочет снимать в том месте фильм ужасов, не укладывается у меня в голове. Боюсь, это ничем хорошим не закончится.

— Но мы же уничтожили Безликого, — сказала Аня, сама не веря в то, что говорит.

— Уничтожили, но мне все равно эта затея не по нраву.

— Я тоже еду, — спокойно ответил Борис.

— Тебе это зачем? — спросил Марат.

— Я в какой-то мере тоже причастен к той истории. Или ты забыл, что Безликий сделал со мной? Странно, что еще не убил, как всех остальных.

Марат косо посмотрел на парня.

— Борь, не надо. Оставайся лучше здесь. Я попробую один доехать и поговорить с Антоном. Объясню, что не стоит ворошить то, что мы с таким трудом уничтожили и постарались забыть.

Аня, молчавшая все это время, вдруг сказала:

— Я тоже хочу поехать.

Марат и Борис удивленно посмотрели на нее. Потом Боря улыбнулся и ответил:

— Ну, вот и хорошо, все вместе и поедem.

Марат чувствовал, как внутри все закипает. Он не хотел, чтобы эти двое опять попали в место, которое принесло столько страданий всем им. Они еле пришли в себя. А вот что движет Антоном, Марат очень хотел узнать.

— Нет! — громко и серьезно ответил парень. — Я еду один, и точка.

Глава 3

Группа людей исследовала территорию заброшенного лагеря «Геолог». Девушки осматривали домики, в которых когда-то жили дети, а мужчины вновь отправились к автобусу, где остались кое-какие вещи. Никто не предполагал, что придется таскать все в руках. Антон думал, что дорога здесь есть, но с годами она почти исчезла от постоянных дождей. Река при обильных осадках выходила из берегов и затопляла дорогу. Невозможно было здесь проехать на тяжелом транспорте.

Территория лагеря за эти годы сильно изменилась.

Сосновый лес, еще помнивший звонкий смех и топот сотен сандалий по утрам, почти поглотил лагерь целиком. Время здесь не остановилось, оно просто сменило декорации.

Асфальт центральной аллеи пошел глубокими трещинами. Двухэтажное здание, в котором когда-то обитали администрация, вожатые, воспитатели и другие работники, сильно пострадало. Над кирпичной кладкой хорошо поработали дожди. В некоторых местах сквозь дыры в крыше проросли деревья. Стекла почти во всех окнах отсутствовали, входная дверь болталась на одной петле. А ведь раньше здесь все было иначе...

После того случая тринадцатилетней давности в лагерь никто не приезжал.

Антон заглянул за домик, в котором когда-то проживал их первый отряд, и увидел стадион. Когда-то это было футбольное поле, которое сейчас заросло травой. Ворота давным-давно потеряли сетку. Сейчас они походили на болтающиеся веревки, темные и прогнившие.

Столовая — бывший храм еды. Когда-то они сюда ходили всем лагерем и оставались дежурить, помогая убирать со стола, чистить картошку и мыть посуду. Одноэтажное здание встретило Антона холодом. На кухне, где готовили еду, стояли потемневшие от времени шкафы. На полу кое-где валялись кастрюли и сковородки с ложками.

Дина осмотрела территорию, пока мужчины ходили за багажом. Их не было часа три. Девушка возвращалась от столовой, когда увидела Антона. Тот стоял на бывшем футбольном поле и смотрел на сетку-рабицу, которая огораживала часть лагеря.

Его поведение было странным. Он как будто что-то увидел: стоял, не двигаясь, глядя куда-то в сторону леса. Дина присмотрелась, но, кроме высоких елей и бурьяна вдоль сетки, ничего не увидела.

— Антон! — крикнула девушка, но парень даже не пошевелился.

«Странно. Что так привлекло его внимание»? — подумала девушка.

Девушка направилась в сторону футбольного поля. Подойдя ближе к Антону, она положила руку на его плечо, и парень заметно вздрогнул, а потом резко повернулся.

— Я тебя напугала? — спросила Дина.

— Нет. Прости. Просто задумался.

— А я тебя звала, но ты не откликался. Что-то там увидел?

Антон посмотрел в сторону леса, где когда-то повстречал девочку Лизу. Этот маленький призрак предупредил парня о существовании по имени Безликий.

— Да нет, ничего не увидел. Просто лес. Интересное здесь место, тебе не кажется?

Парень посмотрел на костюмершу. Девушка была старше его всего на три года. Она была симпатичная, стройная, мастер своего дела. Смуглая кожа, карие глаза и черные длинные волосы, всегда собранные в хвост.

— Наверное, еще не поняла. Но то, что жутковато, это да. Самое то для сцены в фильме. Антон повернулся и пошел в сторону домиков.

— Пойдем, нужно посмотреть, где лучше расставить палатки.

Дина пошла за парнем, осматривая поле.

Когда они подошли к месту, где когда-то были стадион и шест, на котором поднимали флаг, Антона окликнул Петр Александрович. Он занимал должность звукорежиссера и в свои пятьдесят лет имел немалый опыт.

— Антон, давайте здесь палатки разобьем. Вроде и поле, и открыто все. Между деревьями, где все поросло травой, неудобно будет. Да и комары, наверное, проголодались.

Со стороны дороги, где были ворота и сторожка, слышались голоса людей. Вернулись парни с вещами.

— Ну, вы, Антон, и забрались. Кабы знать, что автобус сюда не проедет, на мотоциклах заехали бы.

Денис Алексеевич отвечал за монтаж и нес кое-какую аппаратуру. Мужчине было около пятидесяти. Он работал совсем недавно, и Антон еще толком его не знал, но о его работах слышал.

— Вы ребятам позвонили, сказали, что все придется тащить в руках?

Дина посмотрела на парней, которые сгрузили все вещи в середину стадиона.

— Сеть не ловит. Я и на автобус залезал, и так, и сяк — бесполезно. Нужно было дальше вниз по дороге к трассе идти, там точно сеть есть. Но это бы заняло много времени.

— Ладно, — вздохнула Дина, — может, сами догадаются, и постараются все и сразу взять. А что не унесут, то можно сходить будет.

— Ага, — буркнул Глеб. — Велика радость — ходить туда-сюда. Дорога у нас заняла три часа пешком. Еще и в руках, и на горбу тащить. Тяжело будет, знаете ли,.

— Ой, — ответила ему Настя, — ничего страшного, тебе полезно.

Девушка приехала с первым автобусом. Ей не терпелось осмотреть место, где придется играть роль жертвы. Вскоре должны были прибыть актеры Виктор и Ринат, выбранный на роль ужасного монстра.

— Я до сих пор не понимаю, зачем нужно тащиться в такую даль, чтобы сыграть несколько сцен для этого фильма.

Девушка неспешно прохаживалась, осматривая строения, деревья и кусты.

— По мне так отличное место, — ответил ей Сергей. — Посмотри, как тут жутко. Вполне подходящее для всякой нечисти.

Парень поднял руки вверх, соорудил страшную гримасу и с ревом побежал за девушкой. Та визжала и смеялась, призывая парня отстать.

Сергей был в этой группе каскадером. Антон считал, что в некоторых сценах может понадобиться его помощь.

Лера, художник-постановщик, осматривала место под будущие декорации. Она позвала Антона, чтобы согласовать с ним, как их расположить. Сегодня решили обустроиться на новом месте, а завтра, когда подъедут еще несколько человек, заняться декорациями.

Антон слушал Леру и чувствовал, как сердце тревожно бьется в груди. Правильно ли он сделал, решив вернуться сюда? Он не в первый раз задавал себе этот вопрос. Зачем? Почему? Но его сюда как будто магнитом тянуло. Парню казалось, что осталась какая-то незавершенность. Что-то все равно не так. Но вот что? Не подвергает ли он опасности всю свою съемочную группу? Но ведь он вполне уверен, что сжег тело физрука, который был Безликим.

После встречи Марата с Борисом и Аней прошло несколько дней. У девушки намечался отпуск, студенты сдали сессию, и она со спокойной душой написала заявление и отнесла его в отдел кадров.

Марат отпросился у начальства, сказав, что ему срочно нужен отпуск за свой счет по семейным обстоятельствам, не уточняя, по каким именно. Это касалось только его. Он считал, что недели ему хватит.

В тот день, когда Аня и Борис появились на пороге его однокомнатной квартиры, они долго спорили, кому ехать, а кому нет.

— Я еду один, и точка, — кричал Марат. — Я вообще не понимаю, зачем вам это надо!

В итоге, после бурного обсуждения и споров, решили, что через несколько дней встретятся возле подъезда Марата.

— А не проще ли позвонить Антону и поговорить с ним? — неожиданно сказала Аня.

Парни уставились на нее.

— Я пытался, сразу после эфира, но у него, скорее всего, другой номер. Я по своим связям пытался добраться до его киностудии, но, оказывается, группа уже уехала, а номер телефона Антона мне не дали. Сказали, что нужен официальный запрос, и неважно, что я из полиции.

— Ничего страшного, — улыбнулся Боря. Ане показалось, что он даже рад, что они туда едут. — Доберемся сами и поговорим с ним. Выезжать будем на машине, так комфортнее.

Марат косо посмотрел на парня. И когда он стал таким неженкой?

Вскоре гости ушли, оставив Марата одного в квартире. Еще предстоял разговор с Кирой. Это было самое сложное.

Когда вернулась Кира, он рассказал ей, что должен уехать на пару недель в тот самый лагерь «Геолог».

— Значит, две недели, — сказала Кира. — А потом что? Ты вернешься, и все будет как раньше?

— Не знаю, — честно ответил Марат. Он не знал, вернется ли вообще.

Кира кивнула, будто ждала этого. Она собрала вещи и ушла, не сказав больше ни слова. Дверь хлопнула. Марат остался один.

Парень пожал плечами и собрал спортивную сумку. Он взял с собой только самое необходимое, что может понадобиться в этой лесной глуши.

Марат запер дверь пустой квартиры, в которой его никто уже больше не будет ждать. Кира не поняла его желания ехать в глубинку, в какой-то заброшенный лагерь. Но она знала, что именно там умерла его первая любовь. Девушка так и не поняла, что тогда произошло, но это уже было неважно.

Марат спустился вниз, где его ждала роскошная машина Бориса. Парень сидел на переднем сиденье рядом с водителем. Тот даже не повернулся в его сторону.

— Привет, Марат!

— Привет, — ответил тот.

— Ну что, за Аней, а потом к Антону?

Марат сел на заднее сиденье и нахмурился.

— Плохая это затея. Не нужно вам было ехать, я бы один...

— Давай не будем, — ответил Борис, перебив Марата. — Уже все решили. Кстати, познакомься: это Славик, мой водитель. Он едет с нами в этот долбаный лагерь.

Поздоровавшись с парнем, которому на вид было лет двадцать, Марат уставился в окно. Сердце его учащенно билось, в голове беспорядочно метались мысли. Он чувствовал сильную тревогу. Страх затаился глубоко внутри, не давая вдохнуть полной грудью.

Борис всю дорогу болтал без умолку, но Марат его не слушал. Его мысли полностью были в прошлом, в лагере под названием «Геолог».

Через десять минут они были у дома Ани. Девушка вышла с рюкзаком, в легком спортивном костюме, с волосами, собранными в пучок. Она села в машину на заднее сиденье.

На лице Ани не было никаких эмоций. Ни страха, ни радости. Она поздоровалась со всеми, ее представили водителю, и машина тронулась с места.

Минут сорок они ехали по городским улицам, пока не выехали на трассу, где Славик нажал на педаль газа. Машина полетела, набирая скорость, оставляя позади пыльный мегаполис.

Деревья мелькали за окном, оставляя странное ощущение в груди. Аня не знала, чего боялась больше: встречи с Антоном или самого места, которое долгие годы преследовало ее во снах. Да и в жизни девушке часто казалось, что на нее смотрит тот самый Безликий. Будто хочет завершить то, что не закончил тринадцать лет назад.

Борис всю дорогу не умолкал. Казалось, парня это все забавляло. Он не чувствовал страха, злости или обиды на кого-то из них за то, что они столько лет не поддерживали связи. Боря, которого все называли Батон, рассказывал о своей жизни, но ни Марат, ни Аня толком не прислушивались, просто улыбались и кивали головой.

— ... а потом я получил шикарное предложение от вуза, где отучился пять лет. Странно было, что они выбрали именно меня. Но зато я устроился на хорошую работу и теперь у меня свой бизнес, который приносит отличный доход.

Марат, услышав, что Боре так фартануло, сильно удивился. В детском доме он учился хуже всех. Как так получилось, что поступил в институт и выбился в люди? Он и тогда не блистал умом, да и сейчас несет какую-то чушь.

Внедорожник повернул направо, где в свете машинных фар сверкнул старый потертый указатель лагеря «Геолог».

Слава, до этого матерившийся сквозь зубы на каждую новую колдобину, просто бросил руль и устало уронил тяжелую голову на скрещенные руки. Двигатель кашлянул в последний и затих, оставив четверых путников наедине с надвигающимся мраком.

— Приехали, — хрипло констатировал Борис. В его голосе не было ни паники, ни досады. — Дальше пешком. До лагеря примерно еще километра три по прямой, если верить старой карте.

Дороги больше не существовало. Там, где когда-то петляла утрамбованная грунтовка, теперь расплзлась размытая грязь. Река, взбесившаяся от недавних ливней, смыла ее почти целиком. Густой, влажный воздух пах прелой листвой.

Марат первым выбрался из машины. Он закинул на плечо тяжелый рюкзак, и лямки тут же впились в плечи. Аня вылезла следом, а Борис и Слава, открыв багажник собирали все, что понадобится в пути.

Оказывается, что по незнанию Борис набрал кучу провизии, какие-то пледы, бутылки с водой и разные мелочи. Он дал водителю рюкзак, в который положил вещи и продукты, и пятилитровку с водой. Сам взял фонарик, накинул на плечи свитер, завязав рукава на груди в узел, и переобулся в кроссовки. Достав из багажника еще один рюкзак, парень начал складывать в него какие-то вещи. Никто не видел, что именно. Марат уже прошел несколько шагов вперед.

— Скоро стемнеет, — сказал он, глядя в небо. — Если поторопимся, успеем до темноты.

Они пошли друг за другом, ноги вязли в мягкой земле. Впереди маячила широкая спина Бориса, за ним, тяжело переставляя ноги, плелся Слава, подсвечивая путь фонариком. Аня шла последней. Она ежилась при каждом шаге, но дрожь была не от речной сырости, что лезла за шиворот, а от липкого первобытного ужаса. Тринадцать лет назад этот самый страх уже грыз ее изнутри, только тогда она была глупой девчонкой-подростком.

Безликий. Он питался плотью и кровью невинных людей, которых ему доставлял сторож, работавший в этом лагере. Аня знала, куда идет. Ей нужно было вернуться туда, чтобы наконец сбросить груз, который она тащила тринадцать лет.

Дорога казалась бесконечной. Черные ели смыкались над головой плотным куполом, поглощая остатки вечернего света. Фонарь Славы выхватывал из тьмы то бок поваленной сосны, покрытый зеленым мхом, то бледную поганку, похожую на маленький череп. Марат шел молча, напряженно вглядываясь в заросли папоротника. Борис, который всю дорогу в машине

улыбался и трещал без умолку, теперь был озадачен чем-то: брови его были сдвинуты к переносице.

Сумерки сгущались, обволакивая путников густым черным киселем. Казалось, что здесь даже дышать становилось труднее, чем возле трассы. Лес перестал быть просто скопищем деревьев, превратившись в древнего хищника, который медленно втягивал их в свою глотку. Где-то далеко позади, там, где они оставили машину, протяжно и тоскливо крикнула какая-то птица, голос которой был похож на человеческий плач. Аня от неожиданности вздрогнула. Чем дальше она шла, тем тяжелее ей становилось. Она уже не понимала, зачем все это ей понадобилось.

Примерно через час впереди забрезжил свет.

Сначала это была лишь крошечная оранжевая точка, проступившая сквозь деревья, которая с каждым шагом увеличивалась в размерах. У Ани бешено заколотилось сердце, дыхание стало частым. Это сразу заметил Марат.

— Это, наверное, группа Антона. Идемте, впереди должны быть ворота.

Слава посветил фонарем, луч которого попал на железные прутья.

Старая решетчатая арка лагеря выплыла из темноты, внезапно материализовавшись прямо перед ними. Краска давно облупилась, старый навесной замок болтался на одной створке. За ними открывалось пространство лагеря «Геолог».

Четверо вошли на территорию лагеря — мрачное место, где погибло больше ста человек.

Вокруг костра посередине стадиона стояли огромные палатки. Слышались разговоры, смех какой-то девушки.

Никто не вышел им навстречу. Борис сделал несколько шагов и, споткнувшись о какую-то корягу в темноте, растянулся на земле.

— Черт! — выругался парень и начал вытирать об штаны руки. — Слав, посмотри в рюкзак салфетки.

Аня вошла в ворота, переступая невидимую границу между миром живых и территорией старого кошмара.

Неожиданно со стороны стадиона, где только что были слышны голоса, наступила тишина. Две фигуры отделились от палаток и медленно пошли навстречу вошедшим. В свете костра были видны только их силуэты.

Аня стояла как завороченная, не сводя глаз с идущих. Чем ближе они подходили, тем быстрее стучало сердце.

— Аня, Марат, Боря? — раздался до боли знакомый голос.

Глава 4

Весь день группа готовила площадку к съемкам: расставляли оборудование, монтировали декорации, размечали точки для камер. Параллельно ставили палатки, разбирали вещи и готовили еду. Судя по всему, здесь давно никого не было. Разруха, пыль и вещи, которые так и остались лежать там, где их бросили.

Те, кто не знал, что в этом лагере была бойня, заходили в домики с опаской. Им мерещились призраки и слышались крики детей в этой зловещей тишине. Настя, актриса, вообще хотела сразу же уехать, но Антон успокоил девушку, пообещав хороший гонорар.

— Зачем ты нас сюда притащил? — кричала девушка, когда, зайдя в один из лагерных домиков, нашла старую потрепанную куклу с одним глазиком. Девушке показалось, что она моргнула. Откинув игрушку в сторону, Настя выскочила оттуда с перекошенным от страха лицом.

Все, кто был неподалеку, подбежали к актрисе.

— Настя, — первым подлетел Ринат, — что, что случилось?

— Фу, — сморщилась девушка, — там она...

— Кто? — уставился на нее Василий Николаевич, продюсер.

— Ну она, кукла без глаза!

Лика, не выдержав, выругалась вслух.

— И что? Здесь когда-то дети отдыхали, — ответила она актрисе.

— Я и без тебя знаю, — дерзко проговорила Настя, — просто она моргнула одним глазом.

Наступила тишина. Первой хмыкнула Лика, взялся за голову Василий Николаевич и только Антон слегка изменился в лице. Он чувствовал, как холодок пробежал по позвоночнику.

— Настя, — сказала Дина, уперев руки в бока, — ты же в ужастике снимаешься и боишься какой-то куклы. Как ты вообще стала актрисой? За какие такие коврижки?

— Лучше не спрашивай, — усмехнулся Глеб и получил убийственный взгляд от Насти.

— Потому что я талантливая. Ты же слышала, как я кричала? Не зря вы все сюда прибежали, значит, испугались. Это и называется игра на публику.

Девушка хмыкнула и пошла в сторону расставляемых палаток.

Василий Николаевич покрутил пальцем у виска и выругался себе под нос. Поведение актрисы вывело его из равновесия.

Когда палатки были установлены, развели костер и поставили на огонь большой чан с водой. Парни принесли из автобуса пятилитровые бутылки. Их должно было хватить на то, чтобы сварить еду и умыться.

Девушкам было некомфортно мыться на улице. Дина предложила сходить в небольшое здание, где она видела на старой обшарпанной двери табличку «душ».

— Слушайте, может, посмотреть, что там? Возможно все же есть вода.

— Это вряд ли, — ответил Глеб, — здесь уже давно все сгнило.

— Ну, попытка не пытка.

Дина поднялась с места, и они в Ликой направились в сторону старой душевой.

На территории было тихо. Только где-то в кронах перекликались птицы и слышались голоса съемочной группы.

— Как думаешь, — прервала молчание Лика, пока они шли к старому зданию, — мы тут надолго?

Дина пожала плечами.

— Не знаю. Антон сказал — три-четыре дня. Да и провизии надолго не хватит. Вечером должны еще ребята подтянуться, а там посмотрим.

— Не хотелось бы здесь задерживаться. Не нравится мне это место. Мрачно, уныло и слишком тихо.

После последней фразы со стороны бывшей эстрады, заросшей кустарником, раздался тихий треск. Как будто кто-то наступил на сухую ветку и замер, боясь, что его заметят.

Девушки остановились. Лица от неожиданности вцепились в руку Дины.

— Что это?

— Не знаю, — ответила Дина. — Может, какой-то зверек спустился с дерева?

Девушки постояли еще несколько секунд, всматриваясь в заросли и стараясь не шуметь. Потом медленно, оглядываясь, направились к душевой.

— Я бы тоже не хотела здесь задерживаться, — тихо прошептала Дина, боясь, что ее услышат.

Девушки подошли к старому одноэтажному зданию, которое стояло неподалеку от бывшей столовой. Дина потянула за ручку. Дверь скрипнула — резко, протяжно. Звук в тишине прозвучал громче, чем следовало.

Лица почувствовали, как по коже пробежали мурашки.

Девушки друг за другом вошли внутрь. Тусклый свет из высоких окошек освещал небольшую душевую. Старая, потемневшая с годами плитка была отколота в нескольких местах. Небольшие душевые кабины, покрытые паутиной и грязью, встретили двух девушек тишиной, запахом плесени и сыростью.

Лица сморщились.

— Фууу, я не хочу здесь мыться. Дина, пойдем отсюда.

— Подожди, — ответила девушка. — Сейчас проверим: вдруг трубы не совсем ржавели: Тогда удастся выжать из них хоть какую-нибудь воду. Я готова даже в прохладной помыться. На улице жара, так что любая вода будет спасением.

Дина подошла к первой душевой кабинке. Она покрутила кран, который с трудом ей поддался. Послышался скрежет металла. В трубах противно заурчало, зашипело, но ни капли воды ни появилось.

— Пошли отсюда, — сказала Лица, обхватывая себя руками, хотя было тепло, — ты же видишь, здесь нет воды.

— Подожди, — отмахнулась от нее Дина и пошла в следующую кабинку.

Воздух в душевой был густым, спертым и пах сыростью давно брошенного помещения. Пыль витала в воздухе в бликах вечернего солнца, пробивавшегося сквозь мутные стекла маленьких окон под потолком. Дина медленно вела ладонью по кафельной стене, чувствуя под пальцами влажную слизь грибка и острые края разбитого кафеля.

Она покрутила краны один за другим. Холодная вода. Горячая. Ржавые краны со скрежетом проворачивались, издавая противные звуки. Из толстых чугунных труб не вырывалось ни единой капли — только протяжное шипение, переходящее в глухое бульканье. Трубы жили собственной жизнью, выплевывая в пустоту лишь затхлый запах тлена.

— Бесполезно, — голос Лицы прозвучал тихо, настороженно. Она привалилась плечом к дверному косяку, щурясь от яркого уличного света. — Пойду воздухом подышу, пока ты тут пытаешься договориться с призраками старой сантехники. Да и не по себе мне тут. Я тебя на улице подожду.

Дина молча кивнула, продолжая гипнотизировать кран. Тяжелая деревянная дверь хлопнула, отрезая девушку от реального мира. Дина осталась одна. Тишина сомкнулась над головой плотным ватным одеялом. Теперь слышалось только бульканье труб вперемешку с шипением.

Внезапно монотонный гул разорвал новый звук.

Сначала это было едва уловимое царапанье, как будто ветка дерева царапает о стену. Ритмичный. Скрр... скрр... Будто кто-то снаружи неспешно водил по двери тупым гвоздем. Дина замерла, вслушиваясь в тишину. Звук не прекращался. Он становился все настойчивее

и как будто злее. Три коротких, пауза, а затем снова три коротких. Дерево жалобно хрустело под этим напором.

Сердце пропустило удар, а затем рухнуло куда-то вниз. Дыхание перехватило. Дина стояла посреди покрытого зеленоватой плесенью кафеля, боясь пошевелиться. Мысли метались.

«Лика? Нет, она бы окликнула. Может, собака? Откуда здесь собака?» Но мозг уже подсознательно понимал, что это что-то другое, чужое, ненастоящее. Может, это игра воображения? Тогда она, получается, слишком заигралась в этом месте. Царапанье оборвалось так же внезапно, как и началось. Наступила абсолютная, звенящая тишина.

И вот в этой оглушающей тишине, прямо за тонкой перегородкой одной из душевых, раздался тихий детский плач. Он был не громким, а сдавленным, похожим на всхлип ребенка, который плакал уже много часов подряд и окончательно выбился из сил. Тонкий голос девочки прорывался сквозь преграду:

— Выпустите меня... пожалуйста... кто-нибудь, помогите...

Холод прокатился по позвоночнику Дины тяжелой волной. Это был не просто испуг, а животный ужас. Ей показалось, что температура в душевой упала градусов на десять за те секунды, что она слышала детский голос. Кожа покрылась мурашками, волосы на затылке встали дыбом, а горло свело спазмом. Воздух превратился в густой кисель, стало нечем дышать.

Плач повторился чуть ближе к девушке, практически за соседней перегородкой, и в нем больше не было ничего человеческого. В этом звуке была злость, ни с чем не сравнимая бездонная обида того, кого обманули и бросили здесь гнить заживо.

Дина похолодела от ужаса, мышцы одеревенели, превратившись в камень. Ноги намертво приросли к грязному полу, отказываясь повиноваться. Она смотрела на круглый ржавый кран душевой кабины, который начал медленно поворачиваться в разные стороны сам по себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.